

ФРАГМЕНТЫ БУДУЩИХ КНИГ

Дж. Гэллап, С. Ф. Рэй ПУЛЬС ДЕМОКРАТИИ. КАК РАБОТАЮТ ОПРОСЫ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ

В 2017 г. ВЦИОМ выпускает в свет книгу Дж. Гэллапа и С. Ф. Рэя «Пульс демократии. Как работают опросы общественного мнения», она входит в списки литературы, рекомендуемой крупнейшими научными центрами по двум направлениям: демократия и опросы общественного мнения; отнесена к хрестоматийным для изучения смежных дисциплин, например, таких как социальная психология и массовые коммуникации. *Library Journal* отсылает к ней всех, кому небезразличны вопросы, касающиеся демократических процедур. Она также включена в список источников исторической энциклопедии «Общественное мнение и опросы во всем мире». Данная работа показывает, что опросы общественного мнения не только способствуют исследованию демократических процессов, сама демократия неотделима от изучения общественного мнения. Сегодня во многих странах возрастает влияние общественного мнения на государственную политику, в этом контексте книга приобретает особую актуальность. В рамках американской политологии эту работу рассматривают как основную для бихевиористской теории демократии. Описанные в книге примеры напрямую связаны с работой Американского института общественного мнения, основанного Дж. Гэллапом, однако из них также можно почерпнуть сведения о вкладе социологов, политиков и журналистов в формирование и изучение общественного мнения.

Глава 1. Влиятельная, смелая и неизмеримая сила?

В начале мая 1940 г. на Стейт Стрит¹, в деловом центре Бостона, биржевой брокер останавливается, чтобы ответить на вопросы молодого человека, держащего в руках пачку анкет и графитовый карандаш.

— **Кого бы Вы хотели видеть избранным президентом в ноябре?** — спрашивает молодой человек.

— Ну, я бы предпочел Уэндела Уилки², — отвечает брокер, — но я не знаю, примут ли его политики. В любом случае, запишите, что я за Уилки.

— **Что, по Вашему мнению, является главной проблемой американцев на сегодняшний день?**

¹ Главная улица Бостона. — Примеч. пер.

² Льюис Уэндел Уилки (англ. Wendell Lewis Willkie, 1882—1944) — американский политик, кандидат от Республиканской партии на президентских выборах в США в 1940 г. Проиграв Франклину Рузвельту, впоследствии присоединился к его команде. — Примеч. пер.

— На мой взгляд, наша страна должна избежать вмешательства в эту войну в Европе. Я категорически против того, чтобы лезть на рожон за границей.

Место действия переносится на захолустную дорогу в Арканзасе. На человеке, который задаёт вопросы, надета кепка; на отвечающем — выцветший комбинезон сельского фермера. Вопросы все те же. И брокер, и фермер согласны с тем, что невмешательство США в войну — ключевая задача, стоящая сегодня перед американцами. Арканзасский фермер высказывается за третий срок президентства Рузвельта. Оба мужчины — случайные винтики в бесконечно работающей машине, извлекающей образцы общественного мнения. Они были отобраны для опроса по инициативе полевого исследователя, но только после того, как им были получены точные и подробные инструкции из офиса Американского института общественного мнения в Принстоне. Проводимые сотни раз, эти интервью обеспечивают непрерывное описание того, что американцы думают по поводу безработицы, пособий, сельского хозяйства, популярности президента, возможности третьего срока, волнений среди рабочих, акта Вагнера³, детского труда, войны в Европе, внешнеторговых соглашений, призыва в армию, перевооружения, планирования семьи, профилактики заболеваний, смертной казни, сухого закона, Комитета Дайса⁴, перспектив конкурирующих кандидатов, партий и групп давления.

Такие вопросы ставятся перед обществом и проговариваются в тысячах еженедельных разговоров с мужчинами и женщинами — американскими избирателями, — проводимых ударными войсками исследователей общественного мнения. Интервьюеры знают, что значит пробираться через снежную бурю в штате Мэн, чтобы взять интервью у фермера; идти по летней жаре по пшеничным полям Канзаса, чтобы поговорить с молотильщиком зерна во время работы; преодолевать красную глинистую грязь Джорджии под проливным дождем. Миссия может привести их в трущобы восточной части Нью-Йорка или заставить проникнуть в дорогие апартаменты на Парк Авеню под пристальным взглядом швейцара. Они разговаривают с крупным промышленником, владеющим огромным заводом и управляющим тысячами рабочих, так же, как со старушкой, убирающей его офис поздно вечером, когда все разошлись по домам. По мере того как поток современной жизни поднимает новые злободневные вопросы, опросы общественного мнения, проводимые такими организациями, как Американский институт и «Fortune Survey», дают американскому народу высказаться. И это новое явление затрагивает не только США. Подобные институты общественного мнения созданы в Великобритании и во Франции, и они напрямую сотрудничают с Американским институтом. С 1938 г. по настоящее

³ Закон о национальных трудовых отношениях, позволявший рабочим вступать в профсоюзы, обеспечивавший право на забастовку, ограничивавший антипрофсоюзную деятельность работодателей. Принят в 1935 г., назван по имени автора законопроекта, сенатора Р. Вагнера. — *Примеч. пер.*

⁴ Ранее неформальное название Комиссии по расследованию антиамериканской деятельности по фамилии ее первого председателя Мартина Дайса. В середине 1940-х годов (уже после выхода книги) преследованию комиссией подверглись многие известные люди, например, Чарли Чаплин и Бертольд Брехт. Деятельность Комиссии переросла в маккартистское движение, сопровождавшееся репрессиями против инакомыслящих и симпатизирующих «красным». — *Примеч. пер.*

время (1940 г.) лондонская газета «News Chronicle» публикует результаты регулярных опросов, проводимых Британским институтом. Данные, полученные Французским институтом, публиковались во французской газете «Paris-Soir» до начала европейского конфликта.

Когда в конце августа 1939 г. на Европу упала тень войны, метод выборочного опроса уже был готов к тому, чтобы с его помощью узнать реакцию Америки. Еще до начала военных действий интервьюеры, специально отобранные в каждом штате, получили вопросники, разработанные для объективного выяснения общественного мнения. В 1917 г. общественное мнение оценивалось на основе впечатлений и предположений. В 1939 г. появился и стал использоваться более надежный инструмент. По мере продвижения немецких войск в Западную Польшу интервьюеры выходили на улицу, чтобы поговорить с людьми и прислушаться к тому, что они отвечают на такие вопросы, как:

Как Вы думаете, вступят ли США в эту войну?

Должны ли власти США разрешить своим гражданам плавать на судах стран, которые в настоящее время находятся в состоянии войны?

Как Вы думаете, должны ли США объявить войну Германии и отправить нашу армию и флот за границу, чтобы помочь Англии, Франции и Польше?

Ответы быстро отсылались в Американский институт, где их обрабатывали, а потом в виде сводных таблиц передавали для публикации во все газеты страны.

В то время, когда внимание каждого гражданина было приковано к событиям за рубежом, проводились сотни исследований с подобным набором вопросов. Это говорит о том, что изучение общественного мнения больше не походило на гадание, оно обрело практический метод, дающий возможность достоверно узнать желания нации. За последние пять лет исследования позволили составить картину распределения установок и изменений в общественном мнении. Основной принцип прост — на основе опроса относительно небольшой группы лиц, соразмерной основным группам населения во всех частях страны, можно с высокой степенью точности выяснить мнение всего населения.

Является ли метод выборочного опроса мимолетной причудой или он необходим для американской общественной жизни? Множество признаков указывает на то, что метод появился, чтобы остаться. Опросы показали, что общественное мнение может быть измерено. Более того, растет убеждение в том, что общественное мнение должно быть измерено. Мнение масс свергает правительства и приводит их к власти, начинает и останавливает войны, определяет мораль, создает героев и отказывается от них. Мы знаем, что демократы считают общественное мнение важным, поскольку на протяжении истории народного правления непрерывно прилагались усилия, направленные на обеспечение свободного и ясного выражения позиции народа. Мы также знаем, что автократы считают общественное мнение важным, они уделяют ему пристальное внимание и тратят огромные суммы на то, чтобы его сдерживать и контролировать.

На протяжении всей политической истории звучит главный вопрос: должны ли простые люди свободно говорить о своих потребностях и намерениях или, наоборот, следовать воле небольшой правящей группы? Необходимо ставить целью свободное выражение общественного мнения или прилагать усилия по его сдерживанию? В демократическом обществе позиция масс определяет политику. *«Если общественное мнение на твоей стороне, все получится, если оно против тебя — не получится ничего»*, — сказал Авраам Линкольн в своих знаменитых дебатах с Дугласом⁵. Но общественное мнение важно также и в тоталитарном государстве. Современные диктаторы неизбежно должны управлять сознанием своего народа, иначе они могли бы обойтись без сложной пропагандистской машины. «То, что мы называем словами „общественное мнение“, только в очень небольшой степени основывается на собственном опыте и знаниях. По большей части так называемое общественное мнение является результатом „просветительской“ работы, напористой и яркой», — писал Адольф Гитлер в «Майн Кампф». Какой бы ни была конечная цель правителя (обеспечить свободное и честное выражение общественного мнения или всего лишь создать «просвещенное» большинство), он не сможет удержать власть, не имея хотя бы малого представления о мнении народных масс.

Каким образом можно выяснить общественное мнение при диктатуре? Сразу после торжественного въезда г-на Гитлера в Вену по случаю аншлюса Австрии национал-социалистическая партия провела плебисцит и вскоре объявила, что 99,7 % голосовавших одобрили действия фюрера. По данным из Советской России, Иосиф Сталин был переизбран 99,4 % голосов Моссовета и 99,6 % общего числа голосов.

В условиях, когда выборы только подтверждают статус-кво, а возможности выступить против официального кандидата или режима противостоит угроза оказаться в концентрационном лагере, «общественное мнение» вызывает скептицизм. Искусственное большинство, созданное с помощью не допускающего свободу выбора голосования, или показного массового энтузиазма под присмотром полиции, обеспечивает некачественное отражение общественного мнения. В его истинности усомнится не только окружающий мир, но и сам диктатор не может быть уверен, что слышит глас народа, а не собственное эхо. Если есть статическое, управляемое и официально одобряемое мнение, то есть и иное — отличное от него. Его можно найти в концлагерях или отдаленных районах Сибири. Оно звучит не на партийных митингах, а за закрытыми дверями, выражается шепотом, в шутках, ропоте и ругани, в разговорах людей, украдкой собирающихся небольшими группами после работы. Это мнение можно услышать в передачах запрещенного радио, прочитать между строк в подвергаемых жесткой цензуре письмах. Альтернативное мнение неосознано, но всегда существует.

Идеальное демократическое общественное мнение — реально и динамично. Оно рождается из многогранного повседневного опыта людей, составляющих

⁵ Стивен Арнольд Дуглас (англ. Stephen Arnold Douglas, 1813—1861) — лидер Демократической партии США середины XIX века. Оппонировал Аврааму Линкольну по самым острым для Америки того времени вопросам (будущее рабства, роль федерального правительства и др.). Отчеты об этих дебатах мгновенно публиковались по всей стране. Сегодня дебатами Линкольна—Дугласа называют один из форматов полемики, основывающийся на «идеях, ценностях и духе». Участники спорят по поводу основополагающих принципов «за» или «против», но не обсуждают практическую сторону своей позиции. — *Примеч. пер.*

политически заинтересованную публику, служит руководством для их политических представителей. Такое общественное мнение прислушивается к разным, часто противоречащим друг другу аргументам. Оно старается отделить истинное от ложного в прениях и дебатах. Оно нуждается в критике уже по факту своего существования, и посредством критики постоянно меняется и формируется. Оно действует и учится на своих действиях. Его истинность относительна и зависит от результатов поступков. Его главная вера — вера в эксперимент. Для него ценен вклад каждого индивидуума в политическую жизнь и имеет огромное значение право голоса обычных людей в решении своей судьбы. В этом смысле общественное мнение — пульс демократии.

Между этими двумя позициями не может быть никаких компромиссов. Последнее десятилетие демократическая вера в общественное мнение подвергается тоталитарной критике. Сеньор Муссолини утверждает, что фашизм «отнес на свалку» «безжизненные теории» демократии. Товарищ Сталин осуждает демократический путь, считая его обманом и заблуждением: во имя свободы он установил диктатуру над русским народом. Герр Гитлер насмехается над «неразумными массами» и «гранитной глупостью человечества», считая народ «всего лишь скотом для голосования».

Подражатели упомянутого триумvirата по навешиванию подобных ярлыков существуют и в современной Америке. Даже в нашей среде можно услышать утверждения псевдоавтократов, что образ жизни при диктатуре лучше, чем при демократии, поскольку диктатура опирается на волю и действия единственной всемогущей личности. По их мнению, не стесненный критиками и обструкционистами, ведомый лишь своей железной волей, Лидер может предпринять незамедлительные и решительные действия как во внутренней, так и во внешней политике. «Демократия громоздка и малоподвижна, — говорят нам. — Двадцатый век — век быстроты. Необходимо копировать тактику сильных мужей, или станешь жертвой».

Подобные нападки на демократию неизбежны из-за стремительно развивающегося в международных отношениях кризиса. Они подрывают основания и методы народного правления и заставляют задаться двумя фундаментальными вопросами. *На самом ли деле демократия хуже диктатуры? Может ли демократия выработать новые техники, которые позволят справиться с вызовами этого необычного десятилетия?* Это не академические вопросы. Они уже давно беспокоят многих мыслящих людей в нашей стране и во всех государствах, где по-прежнему сильна вера в свободные институты.

Примечательно, что в США совсем немногие искренне верят в то, что диктатура как образ жизни лучше демократии. Несмотря на катастрофические пророчества, пропаганда, порочащая методы и цели народного правительства, встретила достаточно холодный прием. Угроза диктатуры, иностранного или отечественного происхождения, оставила лишь небольшой отпечаток на поверхности политического сознания американцев. Даже Комитету Дайса по расследованию антиамериканской деятельности не удалось установить, что американцы поддались на приманку тоталитаризма, отойдя от фундаментальных демократических идеалов. Ниже приводится выдержка из отчета (в 15 тыс. слов), представленного перед конгрессом 4 января 1940 г.:

Один из самых главных фактов, зафиксированных в отчете на основе представленных Комитету доказательств, заключается в том, что не более чем миллион граждан США серьезно заражены этой, по существу, иностранной или антиамериканской деятельностью. Это означает, что около 131 млн американцев, несмотря на нацистов, фашистов, коммунистов, самопровозглашенных спасителей Америки и проч., несмотря на страдания и бедствия десяти лет безработицы и депрессии, по-прежнему остались лояльными американским институтам и демократическому образу жизни.

Все признаки указывают на растущий иммунитет к яростным нападкам, утверждающим, что демократия обречена, что страна должна идти тоталитарным путем, а рядовые граждане — выступить за диктатора и бюрократа. Подавляющее большинство американцев чувствуют, что диктатура пронизана слабостью, а «единение», о котором мы так много слышим, — искусственное. Оно не решает, а маскирует возникающие внутри государства фундаментальные конфликты. Американцы понимают, что огромный недостаток диктатуры заключается в ее броне, не позволяющей познать истинное мнение народа, и что даже в попытке это сделать диктатура подобна слепцу, ищущему свет в темной комнате. Им известно, что, разорвав каналы связи, от которых в конечном счете зависит политическая стабильность, самопровозглашенные лидеры, чтобы обеспечить подчинение, будут вынуждены полагаться на пропаганду и насилие.

Перейдем ко второму вопросу: «Может ли демократия выработать новые технологии и стать более эффективной?».

Американцы чувствительны к обвинениям в том, что некоторые механизмы демократического управления архаичны и непригодны для скоростного XX века. Будучи изобретательными, они не ограничились производством автомобилей и радиоприемников, возведением мостов и небоскребов. Они также применили свою изобретательность к политической системе и к правилам совместного проживания. Они на собственном опыте научились быть открытыми новшествам, увеличивающим эффективность демократической работы, и с помощью этих новых методов — удовлетворять свои современные потребности.

Решение проблемы повышения эффективности демократии не может быть единственным или простым. Демократия функционирует эффективно только тогда, когда экономическая система делает все возможное, чтобы обеспечить потребности всех своих граждан; когда образование и грамотность получают широкое распространение, а люди имеют доступ к достоверной информации для формирования своего мнения. Эффективная демократия требует разоблачения групп давления и влияния (и Комитет Дайса не может охватить их всех), которые, выступая от ее имени, злоупотребляют свободой и разрушают структуру демократии. Самое главное, она признает неотъемлемое достоинство каждого гражданина как такового; а это значит, что наши экономические, политические и культурные институты должны обеспечивать фундаментальное право каждого человека свободно выражать то лучшее, что в нем есть.

В последние пять лет стало очевидно, что право голосовать, выбирать между той или иной партией, само по себе не является истинной демократией. Демократия — нечто большее, чем законное право, реализуемое гражданином в определенный

день года, когда он входит в крошечную кабину для голосования, чтобы поставить в бюллетене анонимную галочку. Это процесс непрерывных размышлений и действий со стороны гражданина. Это самообразование. Это призыв к участию, знанию, составлению собственного мнения. Как верно сказано: «Люди должны знать и разделять основные идеалы демократии, если они вынуждены защищать эти идеалы от нападков. Они должны понять, что государство принадлежит им, они свободные граждане с правами и обязанностями, и это — не шибболет⁶, а жизненная правда»⁷.

В огромном сообществе, состоящем более чем из 130 млн человек, это не всегда достижимо. Мы живем в эпоху, отличную от той, что была при отцах-основателях американской республики, когда «основные идеалы демократии разделяли» только «грамотные, богатые и успешные». Сегодня общественное мнение формируется не исключительным меньшинством образованных людей, владеющих экономической монополией и политической властью. И мы не можем вернуть практику прямой демократии, действовавшей в ранних городских общих собраниях Новой Англии, или восстановить политическую близость сельских «магазинов у дома», служивших местом встречи приятелей.

Во благо или во зло, общественное мнение сегодня играет роль на сцене, равной по размеру всей Америке. Мощный индустриальный рост, революция в области транспорта и связи, появление заводов, административных центров и крупных городов окончательно разрушили сельский провинциализм старой Америки. Появился новый вид общественного мнения. И теперь это мнение не малочисленного исключительного класса, а всех классов и слоев общества.

Масштабная экспансия социальной и политической жизни разорвала былые межличностные отношения небольшого правящего класса. Подъем «Великого общества», как назвал его покойный Грэм Валлас⁸, произошел только потому, что на сцену вышли политические партии, общенациональные ассоциации, газеты, телефон, кино и радио. Идеи и информация должны были распространяться среди постоянно растущего населения. Газеты и школы вели непрерывную работу, чтобы добраться до отдаленных районов страны, приблизить к правительству иммигрантов и новые группы, имеющие право голоса.

В силу этого новые коммуникационные агентства предоставили своим владельцам возможность выражать общественное мнение и влиять на него. Все больше появлялось вещающих от имени народа. Влиятельные газеты называли себя истинным *vox populi*⁹. Речистые партийные лидеры заявляли, что их политика исходит из сердец американских трудящихся. Представители радио и кинематографа настаивали на том, что «общественность, наконец, получила то, что хотела». По мере того как прежнее равенство участия в формировании общественного мнения исчезало, голос простого человека заглушался шумом других звучащих от его имени голосов. В основном поэтому Уолтер Липпман в своих поисках „обще-

⁶ Шибболет — «речевой пароль», который выдает человека, говорящего на неродном языке. В данном случае имеется в виду, что этот демократический тезис является паролем, который отличает демократов от автократов. — *Примеч. пер.*

⁷ Lederer E. Public Opinion. In: *Political and Economic Democracy* (ed. Ascoli M. and Lehmann F.). New York, 1937.

⁸ Грэм Валлас (англ. Graham Wallas, 1858—1932) — английский социалист, социальный психолог. Одна из его основных работ — «Великое общество», 1914 г. — *Примеч. пер.*

⁹ Глас народа (пер. с лат.). — *Примеч. пер.*

ственного мнения“ нашел лишь «призрак общественности»¹⁰. В этом объяснение данной им мрачной картины, характерной для разочарованного человека, живущего в мире, «который он не видит, не понимает и которым не может управлять»¹¹.

Проблема разработки механизма, позволяющего обратиться непосредственно к народным массам и услышать их мнение, требует решения. Чтобы выяснять, как народные массы реагируют на происходящие события и пропаганду, законодатели должны полагаться на разного рода косвенные и импрессионистские методы изучения народной воли в периоды между нечастыми выборами. Когда рядовой гражданин не в состоянии найти способы самовыражения, он становится забытым человеком. И если складывается ситуация, когда общественное мнение не может быть выражено, демократия сама подставляется под удар враждебных критиков. Общественное мнение может быть адекватным критерием, только когда мы слышим его и, что не менее важно, когда оно само себя слышит.

Далее мы рассмотрим новый инструмент, позволяющий преодолеть разрыв между народом и теми, кто принимает от его имени решения. Опросы общественного мнения являются быстрым и эффективным методом, с помощью которого законодатели, работники просвещения, эксперты и издатели, равно как и рядовые граждане по всей стране, могут получить достоверные параметры пульса демократии. Хотя прообраз новой методики исследований создан и действующие модели уже в работе, изучение общественного мнения пока еще находится на экспериментальной стадии. Опросы общественного мнения — лишь одна из попыток дать ответы на жизненно важные вопросы. В связи с этим следует приложить усилия, чтобы все мы, приверженцы демократии, оказались в более выгодном положении и могли на основе фактов обосновать нашу веру в нее. Одно можно сказать наверняка: мы не можем отказаться от попыток получить более точное измерение общественного мнения, так как в противном случае это может стать шагом в сторону людей с истеричными речами «министра просвещения»¹².

Монтень писал, что «общественное мнение — влиятельная, смелая и неизмеримая сила». Именно потому, что оно влиятельное и смелое, мы должны разработать более действенные инструменты его измерения. В демократическом обществе к мнению большинства по социальным и политическим вопросам следует относиться как к истине в последней инстанции. Более того, такая крупномасштабная демократия, как наша, обладает особым стимулом к углубленному изучению общественного мнения из-за фундаментальной потребности в сохранении народного правительства при введении более решительных и эффективных законодательных актов. Сегодня слишком поздно прятаться за поверхностными суждениями и панегириками простому человеку¹³. Но неприемлемо, подражая некоторым

¹⁰ Уолтер Липпман (англ. Walter Lippmann, 1889—1974) — американский политический обозреватель, писатель, эссеист, автор работ «Общественное мнение» («Public Opinion», 1922) и «Призрак общественности» («Fantom Public», 1925). — *Примеч. пер.*

¹¹ В качестве эпиграфа к работе «Общественное мнение» У. Липпман взял известный фрагмент из «Государства» Платона: описание пещеры узников, вынужденных наблюдать только тени мира, но не сам мир. — *Примеч. пер.*

¹² Авторы намекают на Геббельса, бывшего в то время министром народного просвещения и пропаганды нацистской Германии. — *Примеч. пер.*

¹³ Уже через два года (в 1942 г.) вице-президент США Г. Уоллес в официальной речи назовет XX век веком простого человека. — *Примеч. пер.*

мистическим демократам, думать, что общественное мнение является своего рода сверхъестественной силой, автоматически способствующей созданию лучшего из миров. Голос народа — не голос Бога, во все времена и при любых обстоятельствах. Общественное мнение — не божество, и может ошибаться. Оно — всего лишь мнение простых мужчин и женщин, организованных в политическое сообщество. Оно настолько же хорошо или плохо, насколько хороши или плохи человеческие существа, чьи убеждения и идеи составляют общий поток мнений. Оно — не продукт всеведущего коллективного разума, но динамический процесс, вызванный общением и взаимодействием индивидов в постоянно движимом обществе. Выбрав жизненный строй, учитывающий при формировании политики интересы масс, мы должны прислушиваться к тому, что хотят сказать сами люди, поскольку общественное мнение полезно демократии, только если оно может быть услышано.